

بورهل اكن كمي ال

Тече не убежато.

БОСИКОМ ПО СТЕКЛАМ

Алекс Д и Лана Мейер

Лана Мейер

Алекс Д

Босиком по стеклам. Книга 1

Серия «Восточные (не)сказки», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66419748

Босиком по стеклам / Алекс Д, Лана Мейер: Авторское; 2020

Аннотация

Арабская принцесса и американский программист. Казалось бы эти две вселенные никогда не должны были соприкоснуться, но Коулман Мердер решил, что именно с ним Анджелина Саадат обретёт вожаденную свободу и станет для него спасением от разрушительной тьмы. Вот только он забыл спросить, чего хочет сама принцесса и готова ли она шагнуть за любимым мужчиной через разъединяющую их миры черту по дороге, усыпанной стёклами от разбитых иллюзий.

1 часть романа.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алекс Д, Лана Мейер

Босиком по стеклам

Пролог

*– Ты сам дьявол? – Может быть.
Из к/ф Отряд самоубийц*

Закрываю глаза. Затыкаю уши. Меня нет...

Но перед внутренним взором все равно отпечатываются все до единого увиденные моменты.

Я со всех ракурсов. Чувствую себя разрезанной на кусочки, выставленные на всеобщее обозрение. В разном возрасте, начиная с пятнадцати лет. Каждый гребанный экран, куда бы я ни посмотрела, находится всего на расстоянии трех метров от меня. Я в центре этой тесной комнаты, где стенами являюсь я сама.

Только один человек в мире мог организовать для меня подобное шоу.

Коулман Мердер.

И теперь, когда я созерцаю весь этот вопиющий ужас, у меня не остается сомнений в том, что он больной извращенец.

– Открой глаза, Пикси, – его голос обдает ледяным вет-

ром.

Я повинуюсь, обращая внимание на самый большой экран прямо передо мной. Именно он служит полным отражением моей настоящей реальности. Я вижу хрупкую девушку на матрасе, бережно обнимающую себя за колени. На ней нет одежды, и лишь длинные волосы служат ей призрачной абайей, в которую я закуталась бы сейчас с огромным удовольствием.

Дверь напротив телевизионной меня открывается, и я резко оборачиваюсь, осознавая, что то же самое происходит за моей спиной.

Слабый свет заставляет снова зажмуриться.

Сквозь полузакрытые веки я вижу виновника своей экзекуции.

Дрессировщик заходит в клетку.

По телу бежит электричество, кожа становится гусиной. Нет ни миллиметра, где не проявились мурашки.

Я не узнаю Коулмана Мердера. Даже пространство меняется, от былой легкости не остается следа. Легкости, которую я иногда ощущала в его присутствии...

У меня создается впечатление, что мой покой нарушает совершенно другой мужчина. Незнакомец.

Не тот, кого я знала и видела много лет в Анмаре.

Не тот, кто обрабатывал меня все эти годы, привязывая к себе, внушая доверие, окутывая меня запретными желаниями.

Он явно чувствует себя здесь в разы увереннее, чем в Ан-маре, или где бы мы ни находились — хозяином положения, не иначе.

Мой взгляд скользит по начищенным до блеска туфлям, отутюженным брюкам и черной рубашке, плотно облегающей натренированные и напряженные мышцы. Они натянуты, словно струны. Как мускулы тигра перед прыжком, перед нападением. В своем любимом цвете он больше похож на черного ягуара.

Наконец, я поднимаю взор на его лицо. Щетина обрамляет заострившиеся черты, полностью передающие настроение мужчины. Мердер отождествляет сдержанную ярость. Дымится, словно вулкан перед извержением, пугая своим жутким зрелищем и готовя к неминуемой гибели. Бешенная мужская энергетика вонзается под мою кожу натаченными микролезвиями, и я невольно вдавливаю голову в плечи.

Женщины оборачиваются на таких мужчин. Смотрят, изучают, заваливают вниманием, бегают перед ним на цыпочках, трепещут, благоволят... Меньше всего мне хочется быть безвольной рядом с ним, но пока я настолько растеряна происходящим, что другой быть не получается.

Я подавлена. Слаба. Не готова... к подобному. К такому невозможно подготовиться.

Вновь смотрю на мужчину, источающего флюиды абсолютной власти над своей излюбленной жертвой.

Это совершенно другая сторона Коулмана Мердера. В ней

нет иронии. Нет легкости. Нет компромисса. И диалога. В ней нет ничего кроме таких желаний, как подмять, поглотить, подчинить. Управлять. Сделать так, как необходимо ему. Ах да... еще там есть голод. И он красноречиво горит в глазах Мердера, превратившихся в черный омут. В ту самую воронку, что перемнет тебе кости и выплюнет на берег.

И я... полностью нагая, дезориентированная, сломленная увиденным... Я вся перед ним. Беззащитная.

Не понимаю, что происходит. Как мы дошли до такого? Где все, где подмога, где АРС? Как Амиран допустил это, а мой отец?

Я не покажу ему своего страха. Не позволю, не доставлю Мердеру подобного удовольствия.

– Ты сумасшедший, Коулман, – нарушаю тишину хриплым голосом. Он медленно ведет большим пальцем по своей квадратной челюсти, бросая на меня задумчивый и оценивающий взгляд.

Тьма. Абсолютная тьма в его взоре. Она поглощает меня, лишая воли.

– Что происходит, мать твою? Что это? – едва ли не кричу, срываясь, имея в виду жуткие экраны, на которых записана каждая секунда моей жизни.

– Это ты, – металлический голос эхом отскакивает от стен, порочные губы изгибаются в дьявольской ухмылке. – Ты, моими глазами, – слегка растягивая слова, поясняет Чудовище. – Тебе нравится, детка?

– Я требую, чтобы ты выпустил меня отсюда! Немедленно. Заканчивай с этим безумием! Я же написала тебе: игра закончена. Я все сказала уже, все сделала...

Коулман быстро преодолевает расстояние между нами. Его ладонь обхватывает мой подбородок, пока он сам смотрит на меня сверху вниз. Как на непослушную псинку, что вдруг растяфкалась и нуждается в дрессировке. Я ненавижу его за этот взгляд, но так трудно держаться достойно, ответить ему. Когда ты абсолютно голая, окруженная своим смехом, стонами и доказательствами того, что сходила с ума по нему последние четыре года...

Сдавлив мои скулы, большим пальцем скользит по моим губам. Нарочито медленно, снисходительно. Смотрит в меня насквозь, будто читает каждую мысль. Еще бы. За четыре года этих документальных фильмов... он изучил меня с головы до ног.

– Маленькая сука, – с хрипотцой нарекает он. Даже его голос стал другим. Я не понимаю, что дало ему такую железобетонную уверенность в себе и свободу. Словно руки у подонка развязаны. Мердер будто больше не сдержан ни Амираном, ни законами Анмара, ни последствиями.

– Игра только началась, Анджелина, – расплывается в хищной улыбке одержимый программист.

Привет, Джокер. *«Вопрос... Ты умрешь за меня?»* Не хватает только безумного смеха и прыжков в грязную бочку (примеч. отсылка к сцене из к/ф «Отряд самоубийц»). Нет.

Нет. Никогда, хочется кричать, надрывая горло, но разве Мердер примет такой ответ?

Он резко вдыхает и прикрывает веки, словно... с упоением пропускает через ноздри мой запах.

Безвольно дрожу от страха. Он другой... совершенно другой. Не мой друг, не тайный любовник... не враг. Он причина, от которого я понятия не имею, чего ожидать.

– Ты меня пугаешь, Мердер. Пожалуйста, объясни мне, в чем дело. Ты же не сделаешь мне ничего плохого... ты же не причинишь мне боли, Коул... ты не сможешь. Ты говорил, что л...

– Его здесь нет, – ленивым тоном оповещает меня похититель. – Того, кто предлагал тебе решить наши разногласия «по-доброму». Я, правда, сделал все, чтобы ты никогда не узнала о моем увлечении, детка, – косится на экраны Мердер. – Ты сама организовала для себя увлекательное путешествие. Пора сбросить маску, Пикси. Здесь ты сможешь ее снять... Я гарантирую тебе это.

Здесь? Где – здесь?

Насколько далеко от Анмара мы находимся?

Глава 1

Анмар. Асад. Королевская резиденция.

Анджелина

Брейн: Через 12 минут. Лабиринт. Восточный вход.

Пикси: Буду.

Брейн: Точно ко времени. Придешь раньше – попадем под камеры.

Пикси: Поняла, не маленькая. Не забудь сигареты.

Брейн: Всегда при мне.

– Госпожа, вы куда? – вздрагиваю, замурив глаза. – Мероприятие в честь дня рождения ваших племянников проходит в другой стороне, – как только я выхожу из уборной, что стала мне убежищем от шумного праздника, меня ловит один из секьюрити. Мне знакомо его лицо: он не раз закрывал глаза на мои побегы с семейных посиделок во дворце. Тем не менее своему правителю он верен, как пес. Поэтому дело дрянь. Я опоздаю ко времени отключенных камер и не увижу своего прекрасного и опасного подонка.

Может, оно и к лучшему. Меня начинает напрягать, что я бегу по первому его зову.

– Эмм..., я заблудилась в этих бесконечных коридорах и подумала: почему бы мне не прогуляться? – слегка хлопая ресничками, околдовываю секьюрити своим невинным голосом. Дворец Амирана действительно огромен, и за день не обойти.

– Нет. Это запрещено, госпожа, – не очень уверенно противостоит мне гончий Амирана.

– Я не нарушаю никаких правил, – инстинктивно сжимаю платок под подбородком, наглядно демонстрируя свою кротость, послушание, тотальную скромность. Давай, поверь мне, красавчик. Я заинтересована исключительно в свежем воздухе, но никак не в побеге со скучной семейной тусовки. – Мне правда нужно проветриться...

– Я не имею права отпустить вас в сад, госпожа..., – еще чуть-чуть, и он сдаст меня Амирану, Алисии, маме и папе и моя встреча с Коулом не состоится.

– Что здесь происходит? – из-за поворота вдруг выходит Амиран, попутно убирая телефон во внутренний карман пиджака. Предполагаю, что от торжества в честь дочери и сына его отвлек важный звонок. Строгий и волевой взгляд правителя цепляется за меня, и, собрав всю свою волю в кулак, я стойко выдерживаю этот открытый огонь.

– Амиран, мне стало плохо, – репутация у меня идеальная, актриса я великолепная. На мой ангельский взгляд ве-

дется даже Амиран Аль-Мактум. Моя партия «хорошей девочки» всегда идет четко по нотам. Так что должно срабатывать.

– У меня аллергия на грибы, а эта пицца... Не хочу портить Алисии и всем остальным настроение. Меня может стошнить прямо на празднике. Мне нужен воздух, – обмахиваю себя ладонями, словно веером, максимально естественно задыхаясь.

Король Анмара смотрит сквозь меня, словно сканирует душу. Но я плавала в этих жестоких водах, знаю. Я хорошо умею притворяться, прекрасно выношу самые тяжелые взгляды – за последний навык спасибо строгому отцу. Мой дух закален серебристой сталью глаз Джарета Саадата, поэтому даже взор правителя мне не страшен.

Кажется, во всем мире есть только один единственный взгляд, способный меня напугать...но каждый раз я лечу на огонь, чтобы хоть на секунду увидеть его.

– Ты вся бледная, – подводит итог Мир, обеспокоенно кивая мне. – Позвать врача?

– Не надо, прошу. Не хочу портить праздник. Мне просто нужен воздух, аллерген уже почти полностью вышел из моего организма.

– Тогда сад в твоём распоряжении, Энджи, – отпускает меня Амиран, заставляя расплыться в победной улыбке.

Добрый он сегодня, мне повезло. Все из-за праздника. В любой другой день на подобную благосклонность рассчиты-

вать не стоит.

Через пару минут я вдыхаю прохладный вечерний воздух, пытаюсь силой мыслей утихомирить бешенный ритм сердца. Но с каждым шагом, сделанным в направлении к *нашему* лабиринту, его неистовый танец нарастает, норовя раздробить мои ребра. Я должна сохранять свое железное самообладание, силу воли, твердость характера. Колкость, дерзость, смелость, ...но это так трудно! Порой мои ноги превращаются в чертово желе рядом с ним, а тело – в гибкий пластилин, еще больше тающий от тепла Коулмана и самого присутствия этого мужчины рядом со мной.

Приходится постоянно одергивать себя, задавая вопрос: кто он такой, чтобы я так волновалась, переживала? Коулман Мердер – просто мужчина. Да, намного старше парней, что вьются вокруг меня на «Саботаже» и одержимо пускают слюни...

Скучно. Я зеваю, а они заглядывают мне в рот, внимая каждому моему слову. Но «Саботаж» я не брошу – каждая запрещенная вечеринка в пустыне дает мне жадный глоток свободы и ощущение, что я не проживаю жизнь в запертой клетке.

Одержимость местных парней давно не цепляет меня. Они все падают к моим ногам, и это максимально предсказуемо и уныло. Как и то, что отец в любой момент может выбрать для меня мужа и мне придется повторить судьбу сестер. И не факт, что мне повезет так, как Амирану с Алиси-

ей. Эти двое действительно любят друг друга...но это скорее исключение в восточном мире, чем правило.

Кончиками пальцев веду по фиалковым цветам на живой изгороди и ныряю за поворот, оказываясь в самом начале нашего зеленого лабиринта. Здесь так легко потеряться, но я давно изучила каждый его уголок и, кажется, могу найти путь к Мердеру даже с закрытыми глазами. Место нашей встречи – самый центр, и я игриво улыбаюсь в одну из камер, прекрасно зная, что она отключена. Хотя...разве кому-то придет в голову следить за мной?

Я же примерный и послушный «ангел» в глазах родителей, та самая дочь, с которой меньше всего проблем. Та самая дочь, что с детства впитала в себя культуру востока и наслаждается каждым днем в никабе.

Как бы не так.

Все это чертова маска, которую я снимать не намерена. И Коул – почти единственный человек, который знает меня настоящую. Чувствует меня, читает мысли, забирается под кожу, ничего при этом не делая. С ним я могу быть собой... У меня дыхание схватывает от предвкушения встречи.

Последний поворот, и я вижу его. Мердер стоит вполоборота ко мне. В глаза сразу бросается его забитый рукав и напряженные вены на внешней стороне ладони. Черная футболка сидит на нем как влитая, плотно прилегая к тугим бицепсам. Нервно сглатываю, ощущая сухость во рту. В солнечном сплетении разворачивается вселенная эмоций и чувств,

которые я не могу выразить и позволить себе даже в самых тайных снах. Как только Коул бросает на меня свой цепкий взгляд, я незамедлительно срываю с себя никаб, взмахивая волосами.

Я вижу, как он на меня смотрит. Всегда чувствую себя так, словно я обнажена перед ним, а не замотана в черную паранджу, полностью скрывающую изгибы моей фигуры.

Наши взгляды встречаются, игра в «гляделки» затягивается, и я невольно делаю шаг назад – так происходит фактически всегда, когда вижу его. Все мои внутренние душевные защиты сигнализируют об опасности. Буквально кричат: не стоит продолжать эти встречи, двусмысленное общение. Это не приведет ни к чему хорошему, мы бежим по самому краю.

Наша дружба – иллюзия, как и наша внешняя сдержанность рядом друг с другом. Пантеон между нами вот-вот падет, превратившись в раскаленные руины. И я боюсь, что мое иступленное желание пройти по ним, к нему, даже босыми ногами, не найдет ответа и отклика с его стороны.

Тем не менее Коул сам мне пишет, сам настаивает на встречах, сам знает, чем это может грозить и какую ответственность за «грешки» в прошлом и будущем понесем мы оба.

Но как перед ним устоять? Как отказаться от встречи? Если кажется, что дышать свободно могу только рядом с ним. Он – моя кислородная маска, мое спасение. Симпатичная такая маска. Обезоруживающая. Подхожу ближе, каждый раз

впечатляюсь тем, насколько он выше меня во всех смыслах. Я помню, как ощущается вес его тела на мне, его напряженные плечи под моими пальцами и ногтями... Боже, с ума можно сойти. Все бы отдала, чтобы вновь это почувствовать. Но виду не покажу.

– Мой дилер, – дразню его, заглядывая в штормовые глаза, параллельно выхватывая пачку сигарет из протянутой ладони. – Особо опасный преступник Анмара, развращающий одну из дочерей шейха, – с наглой улыбкой поддеваю его, проверяя реакцию. Ни один мускул не дрогнул на волевом лице.

– Ты слишком много стала себе позволять, – играя скулами, наконец усмехается он.

– Мне кажется, все наоборот: это вы много себе позволяете, господин, – с издевкой замечаю я, включая зажигалку прямо перед его носом. Наши взгляды разделяет искра пламени, и я замечаю, как глаза Мердера меняют цвет, реагируя на мое обращение «господин». Прочитать бы сейчас его мысли... Краснею, когда он на долю секунды опускает многозначительный взгляд на мои губы. – Напоминаю: ты тайно тусуешься с дочерью шейха, – заливаюсь смехом. – Тебе совсем не страшно?

– Бояться здесь стоит не мне, – желанные губы трогает легкая полуулыбка, от которой переворачивается все внутри меня.

И мне, правда, страшно. Я боюсь его с той же силой, что

тянусь к нему. Каждая встреча с Коулом – большая ошибка. И я не знаю, какая из них станет роковой... для нас обоих.

Мердер

– Тебе ни кажется это странным? – задумчиво рассматривая мое лицо, внезапно спрашивает. Ее попытки выглядеть серьезной меня откровенно забавляют. С наигранным недоумением выгибаю бровь, продолжая стоять непозволительно близко к дочери шейха, за один взгляд на которую мой единственный друг без всякого снисхождения сослал бы меня обратно в Штаты. А если король Анмара узнает, насколько далеко я зашел в своих играх с малышкой Пикси, меня гарантировано ждет камера смертника.

– Что именно? – уточняю я, наблюдая, как Анджелина Саадат выпускает маленькие колечки серого дыма в мою сторону. Она расслабленно сидит на кованной скамье, разбросав по плечам белокурые локоны, никаб пренебрежительно брошен рядом. Это стало маленькой традицией наших тайных встреч. Вместо «Привет», Энж снимает чертов платок, скрывающий ее красивое личико, и вызывающе смотрит прямо в глаза, наивно полагая, что опрометчивая смелость выравнивает наши позиции. Это далеко не так.

Я стою, нависая над ней. Ей приходится запрокидывать голову, чтобы видеть лицо собеседника, и мне дьявольски нравится, как она смотрится в этой позиции. Десятки непри-

личных образов один за другим проскакивают в голове. Ей восемнадцать, а значит, я вполне могу представлять ее собой, у своих ног, не чувствуя себя при этом педофилом-извращенцем. К тому же Пикси целенаправленно изводит меня вниманием со дня моего появления в Анмаре, игнорируя очевидный факт, что у дочери шейха и американца априори не может быть ничего общего.

– У тебя всегда есть сигареты, но ты не куришь, – серьёзно объясняет малышка. Такая забавная, и на нее чертовски приятно смотреть, чем я и занимаюсь в тишине собственной спальни по ночам, пялясь в монитор своего телефона, транслирующего изображение с камеры, установленной в спальне Анджелины. Стоит ли пояснять, что я не только смотрю?

Да, я все-таки извращенец. Три года, черт. Три года я ждал, пока она достигнет совершеннолетия, с жадным нетерпением наблюдая за тем, как тело Энджи меняется, теряя подростковую угловатость. Я знаю, когда у нее начались месячные, какой шампунь она предпочитает, какие книги читает перед сном, и как звучит мое имя, произнесенное приглушенным шепотом, когда она думает о том, что я мог бы с ней делать, окажись рядом. Черт, я видел ее первый оргазм, посвященный мне, и это было покруче любого порнофильма, коих в моей коллекции бессчётное множество. Я разделил запретное удовольствие пробудившейся малышки, вот только она об этом никогда не узнает, иначе сочтет полным психом и будет абсолютно права.

– Это для Амираана, – отгоняя порочное видение, отвечаю я.

– Потворствуешь вредным привычкам нашего многоуважаемого монарха?

– Да, именно так. Я дьявол искушитель.

– Это точно, – приснув от смеха, соглашается Энджи.

Наши взгляды снова встречаются, ее зрачки чернеют, а я уже знаю, чем буду заниматься ближайшее время после того, как мы разойдёмся каждый в свою сторону. Для снятия напряжения в моем распоряжении всегда имеется безотказная длинноногая лань. Иногда не одна, и даже не две. Я люблю разнообразие и могу позволить себе огромное изобилие удовольствий, без ограничений доступных советнику короля. На любую мою прихоть Амиран закроет глаза. На любую, кроме одной. Мне нельзя даже мысленно трахать Анджелину Саадат, а я делаю это с завидной регулярностью на протяжении трех лет и в скором будущем собираюсь воплотить свои эротические фантазии. Мы итак слишком затянули с прелюдией.

– Тебя не было вчера на «Саботаже», – через секунду добавляет Энж с упреком. – Я ждала.

– Я должен был быть в другом месте. Хорошо провела время? – спрашиваю с фальшивой заинтересованностью. На самом деле я поминутно знаю, чем именно занималась малышка Пикси. Каждый ее шаг, слово, взгляд – зафиксированы и изучены мной с нездоровой дотошностью.

– Нормально, но я надеялась увидеть тебя, – она обиженно надувает пухлые губки. – Это третья вечеринка, на которую ты не являешься.

– У меня чуть больше обязанностей, чем у твоих приятелей студентов, – саркастично замечаю я, протягивая руку и поддевая ее лицо за подбородок. – Ты жаловалась на отсутствие свободы и развлечений, я предложил тебе способ обойти правила. Свое участие в твоих забавах я не обещал.

– Ты боишься? – высказывает Анджелина абсолютно абсурдную мысль.

– Считаешь, что мне есть чего бояться? – с усмешкой переспрашиваю я.

– Да, – кивает девушка. – Королю не понравится, если выяснится, что ты подсказал сестре его глубоко обожаемой супруги, где можно безопасно и сравнительно анонимно потусоваться в веселой компании.

– Мы сейчас находимся на территории королевского дворца наедине. Ты куришь мои сигареты, я трогаю твое лицо, на тебе нет никаба. Мы уже нарушили кучу правил, Пикси, – непринужденно зачитываю список совершенных преступлений.

– Я хочу нарушить больше, – она порывисто хватает мое запястье и прижимается щекой к открытой ладони.

Мои губы дергаются в улыбке. Я не убираю руку, позволяя ей эту маленькую вольность. К тому же мне дико приятно ощущать ее так близко. Кожа Пикси восхитительно нежная.

Я думаю о том, останется ли она такой ласковой и покорной, когда вместо моей ладони окажется член.

– Хочешь моей смерти? – тронув большим пальцем манящие губы, спрашиваю резко севшим голосом.

– А если я скажу, что меня заводит смертельная опасность?

– Я отвечу, что ты безрассудный ребенок, жаждущий поиграть во взрослые игры. Но поверь, Пикси, ты к ним еще не готова.

– Так подготовь меня, – бросает Энджи со смелостью, свойственной безбашенной юности.

Проглотив ругательство, я борюсь с потребностью поправить упирающийся в ширинку стояк. Черт, от этой девчонки у любого снесет крышу.

– Мы друзья, помнишь? – говорю вслух, мысленно стаскивая с Энж дурацкие тряпки и трахая ее прямо на этой чертовой лавке. Бл*дь, меня бы даже миссионерская поза устроила. Похер как, лишь бы наконец отыметь эту горячую маленькую сучку.

– Ты слишком взрослый, чтобы быть мне просто другом, – парирует Пикси.

– Глупышка, – хмыкнув, я убираю руку и отступаю в сторону.

Подальше от соблазна. Я не кривил душой, говоря, что она не готова. Анджелина и понятия не имеет, во что ввязалась. В отличие от меня. То, о чем она грезит и фантазирует,

лаская себя по ночам, представляя мои пальцы вместо своих, рано или поздно случится, но вряд ли реальность хотя бы частично совпадет с ее ванильными ожиданиями. Настанет день, когда она готова будет бежать от меня босиком по битым стеклам, но я ей этого не позволю. Игра зашла слишком далеко, я четко и ясно осознаю риски, но останавливаться не намерен.

Не стоило ей подходить ко мне три года назад в саду Саа-
датов. Тогда у нее был шанс не попасть в зону моего особого
внимания. Теперь слишком поздно. Я втянулся и не отступ-
лю.

Тебе не убежать от меня, детка.

– Не говори со мной так, словно я твоя младшая сестра, –
сексапильная блондинка снова капризно надувает губки. – И
мне давно пора сменить прозвище.

– У меня нет младшей сестры, – смеюсь я, сунув руки в
карманы джинсов, незаметно оттягивая ткань вперед, чтобы
уменьшить давление взбунтовавшегося члена. – А Пикси –
идеально тебе подходит, детка.

– Ничего поромантичнее придумать не мог? – недовольно
хмурится девушка, понятия не имея, как влияет на мой ор-
ганизм наша «невинная» болтовня.

– Я программист, Энж, – ухмыляюсь я, удерживая ее
взгляд на уровне своих глаз. Если она посмотрит ниже, си-
туация выйдет из-под контроля. – Я и романтика – понятия
несовместимые.

– Ты будешь в пятницу на «Саботаж»? – она резко соскакивает с одной темы на другую, решив максимально продуктивно использовать отведенное время. Я бы предложил вариант поинтереснее, но не в этот раз. Пару месяцев назад чуть не сорвался, но мне хватило выдержки спустить деликатную ситуацию на тормозах. Я тогда только вернулся после длительной рабочей поездки в Атар (от авт. соседняя арабская страна). Энджи жутко соскучилась и бросилась мне на шею с импульсивной непринужденностью. Сам не понял, как мои руки оказались на ее заднице, а ногти Энджи под моей кожей, наши губы разделяли считанные миллиметры, моя эрекция упиралась в ее живот, и в распахнутых бирюзовых глазах светилось неприкрытое возбуждение. Я мог сделать с ней что угодно – она бы не отказала, но на тот момент Анджелине еще не было восемнадцати, и это понимание меня вовремя отрезвило.

– Что мне делать среди вырвавшихся из-под опеки родителей резвящихся деток? – склонив голову набок, без энтузиазма смотрю на вытянувшееся от обиды лицо.

– Пообщаться со мной! – возмущенно бросает она.

– Мы общаемся. Разве нет? – невозмутимо мучаю малыша.

– Пять минут раз в несколько недель?

– Ты пишешь мне тонны сообщений в сутки, – напоминаю я, устремив на смазливое личико выразительный взгляд.

– И ты отвечаешь, – вздёрнув подбородок, заявляет Пик-

си.

– Ты являешься в мой кабинет по поводу и без, – продолжаю изобличительным суровым тоном. – Твое рвение становится заметным окружающим, – смутившись, Энджи заливается румянцем. – Твоя практика в Sword закончится через месяц. Будет лучше, если ты воздержишься от визитов до конца этого срока.

– Я хочу и дальше работать в твоей компании. Ты сам говорил, что мои проекты...

– Твои проекты хороши, но мы говорим о другом, – перебиваю я. – У сотрудников компании есть глаза и уши. Если пойдут слухи, Джаред Саадат в этот же день закончит твою карьеру, посадит под замок и ускоренно займётся поиском кандидата в мужа для сумасбродной дочери.

– Отец считает меня самой покорной и «правильной» из дочерей, – запальчиво возражает Анджелина.

– В твоих интересах, чтобы он и дальше обманывался на твой счет, – ухмыляюсь я.

– Я и так из кожи вон лезу, – с деланной небрежностью фыркает Пикси. – Думаешь, это так легко, Коулман? Ты живешь на полную катушку, наплевав на традиции Анмара, а мне ради таких крох, как вечеринка на «Саботаж», приходится каждый раз рисковать, – в глазах девушки вспыхивает гнев и вызов. – Если тебе так со мной неинтересно, то какого Шайтана мы тут делаем?

– Разве я сказал, что мне скучно с тобой? – любопытствую,

пряча улыбку.

– Не только сотрудники Sword склонны к сплетням, Колман, – нижняя губа девушки предательски дрожит. – Я слышана, насколько интересно проводит свой досуг поверенный короля за высоким забором своего особняка. Неудивительно, что ты считаешь «Саботаж» детским садом.

– Языки завистников порой несут полную чушь. Не стоит верить всему, что говорят, – миролюбиво произношу я, делая шаг вперед.

Пальцы снова тянутся к ее лицу. Меня аж свербит, как хочется прикоснуться к атласной светлой коже Энджи. Она не похожа ни на одну из сотен женщин, что побывали в моей постели. Я не набиваю себе цену и не преувеличиваю цифры. Быть лучшим другом и поверенным Амира аль-Мактума – запредельно круто, и на самом деле сплетники не врут. Правитель умеет быть щедрым по отношению к тем, кто предан ему. Вилла, пожалованная мне королем Анмара за особые заслуги, вполне может составить конкуренцию всемирно известному особняку почившего Хью Хефнера в Лос-Анджелесе. Восемнадцать гостевых спален в моем доме никогда не пустуют, а их прекрасные обительницы меняются с завидной регулярностью.

– Пообещай, что будешь в пятницу, – шепчет Энджи, доверчиво потираясь щекой о мою ладонь.

Я не успеваю ответить, потому что на мой телефон приходит короткое сообщение от короля, содержимое которого

вызывает легкий угол беспокойства, что не уходит от внимания любопытной Анджелины.

«Есть разговор, Кол. Тащи свою задницу в библиотеку. Сейчас».

– Амиран? – проницательно спрашивает она.

– Да. Нужно идти. Он ждет, – киваю, одергивая руку, и Энджи тоже начинает волноваться.

– Король видел, как я сюда направлялась, – произносит с тревогой.

– Возвращайся к гостям, Пикси, – приняв к сведению услышанные слова, непринуждённо улыбаюсь напуганной девушке. – Я напишу, как освобожусь.

Глава 2

Мердер

– Закрой дверь, – доносится до меня, едва я переступаю порог огромной библиотеки с полками до потолка, заставленными пылящимися книгами. В центре прямо под тяжелой кованной многоуровневой рожковой люстрой располагается массивный стол из дорогого дерева, возле которого я наблюдаю нашего сурового правителя в традиционном облачении.

– Подойди, – звучит второй лаконичный приказ, и мне ни черта не нравится тон его голоса.

Терпеть не могу, когда Ран ведет себя, как напыщенный коронованный мудак. Пока я приближаюсь, его цепкий изучающий взгляд сканирует мою скромную персону. Я приехал по делу, но встреча с королем была назначена на более позднее время. Знаю, что одет не по протоколу, так как меня не было в списке приглашенных на празднование дня рождения королевских отпрысков. Я не в обиде, так как и сам терпеть не могу светские анмарские мероприятия. Это раньше, в годы нашего студенчества, Ран умел отрываться на полную катушку, а теперь королевский статус не позволяет, и жена

та еще тигрица – усмирила матерого хищника. Ее младшей сестренке не удастся то же самое проделать со мной. В этом плане я неисправим. И пусть я не араб, которому позволено иметь четырёх жен, мне никогда не будет достаточно одной женщины.

– Что за срочность? – небрежно привалившись к лакированной столешнице, непринужденно интересуюсь я.

– Хотя бы рубашку мог надеть? – взгляд короля раздраженно цепляется за мои татуировки. Он стоит в трех шагах от меня, источая воистину королевское негодование. – Ты во дворце, твою мать, а не на пляжной вечеринке.

– Я не понял, ты отчитывать меня собрался? – хмуро бросаю я. – Не вижу проблемы. Никого из твоих высокопоставленных гостей здесь не наблюдается.

– Не дерзи, Мердер. Ты перегибаешь палку, – рывкает он, сжимая челюсть. – Ты можешь устраивать бордель в своем доме, но на моей территории придется соблюдать правила.

– Тебя оса укусила, Ран, или с тигрицей опять поцапался? – раздражаюсь я.

– Молчать, когда я говорю, – сильнее повышает голос Амиран и, обойдя стол, опускается в огромное кресло. – Садись, – кивает на второе, находящееся напротив. Вздыхнув, я подчиняюсь. Если Ран не в духе, с ним лучше не связываться. Мне сейчас проблемы ни к чему.

– Что у нас на повестке дня? – развалившись в кресле, миролюбиво любопытствую я.

– На повестке дня у нас Анджелина Саадат, – сверля меня взглядом, холодно отвечает Амиран.

Призвав в помощь все свои актёрские данные, я изображаю глубокое недоумение. Видимо, моя игра его не вставляет, судя по тому, как король снисходительно выгибает бровь.

– Я не забыл наш разговор трехгодичной давности, Коулман, – сухо поясняет Ран.

– Моя память не так хороша, как твоя, – равнодушножимаю плечами.

Чуйка меня не подвела. Я понял, что речь пойдет о Пикси, едва она заикнулась об их случайной встрече. Король Анмара не настолько гениален, как его советник, но в наблюдательности и планировании ему нет равных. Гребаный стратег и мастер прогнозов – он был таким всегда.

– Твоя память в миллион раз лучше моей, – ухмыляется в ответ Ран, словно подслушав мои размышления. – Ты дал понять, что считаешь Анджелину привлекательной и, кажется, даже просил у меня титул, чтобы однажды жениться на ней.

Нет, твою мать. Все было несколько иначе. Примерив корону, аль-Мактум внезапно осознал, что моя кровь недостаточно хороша, чтобы влиться в королевскую семью, но мой мозг его устраивал настолько, что Ран позволил мне устроить оазис разврата за высокими стенами моего особняка.

– Ты мне отказал, заявив, что американский айтишник не пара дочери шейха, – слегка перефразировав, озвучиваю то,

о чем он умолчал.

– А жаловался на память, – невозмутимо отражает колкость Ран. В глазах растекается сталь, а это весьма дерьмовый признак. Я говорю сейчас с абсолютным монархом, а не лучшим другом, с которым мы стояли плечом к плечу с первого курса университета. – Мое решение не изменилось, Мердер, – подытоживает король жестким тоном.

– Я ни о чем не спрашиваю. Это ты меня позвал, – вызывающе парирую я. К черту долбанный этикет. Ран лучше всех знает, что меня не загнать в рамки. – Я не нав...

– Я вижу, ты и дальше собираешься строить из себя клоуна, что у тебя виртуозно получается, – сцепив пальцы перед собой, нетерпеливо перебивает аль-Мактум. – Но я слишком ценю своё время, чтобы продолжать его тратить впустую. Поэтому давай к делу. Двадцать минут назад я столкнулся с Анджелиной Саадат, спешно направлявшейся в глубь сада, ты приехал раньше назначенного времени, от тебя за версту воняет дымом, хотя мы оба знаем, что ты не куришь. Мне продолжать? Или этого достаточно, чтобы ты понял, что хочу от тебя услышать?

– Мне нечего тебе сказать, Амиран, – отвечаю максимально категорично.

– Уверен? – окинув меня испытывающим взглядом, уточняет аль-Мактум. Судя по выражению его лица, он мне ни хрена не поверил.

– Да, – киваю так же твердо, и этот сукин сын без преду-

преждения выстреливает новостью, от которой все мои демоны разом скидывают кандалы, начиная взбешенно бить хвостами.

– Значит я могу договариваться о браке между Анджелиной Саадат и Фейсалом аль-Рахимом, не опасаясь компрометирующих неприятностей?

– Почему *ты* договариваешься? – наступив на горло беснующему гневу, задаю вопрос резким тоном. – У неё есть отец.

– Дело семейное, я выше по статусу. Джаред передал мне полномочия по урегулированию этого вопроса. Фейсал аль-Рахим составит достойную пару младшей сестре моей жены, – продолжает жалить меня «лучший друг».

– Он из Атара, – сквозь зубы бросаю я, зная, что выдаю себя с головой. – Ты собираешься отправить Энджи в другое королевство, чтобы отдать замуж за мужика, которого она едва знает, лишь бы держать подальше от меня? Я правильно тебя понял?

– Нет, не правильно, – спокойно возражает Амиран, снисходительно наблюдая, как меня разрывает от бешенства. – Фейсалу двадцать шесть лет, он образован, не женат, и с Энджи они неоднократно встречались на светских мероприятиях. Его отец Ахмад аль-Рахим – эмир Атара. Фейсал – наследник. Это обоюдовыгодный союз. Ещё пояснения нужны?

– Нет, – слышу свой скрежещущий голос. Перед глазами багровая пелена. – Что требуется от меня? – смотрю испод-

любя, произвольно сжимая кулаки.

Ран с легкостью считывает мое состояние, его лицо обретает обеспокоенное выражение, но это лишь гребаная маска. Амирану нужен верный шакал с полезным гениальным мозгом, а я на рабство не подписывался.

– Коулман, я давно тебя знаю, – смягчившись, произносит аль-Мактум. – Мне известно, каким одержимым ты можешь быть, если что-то вобьёшь себе в голову. Поэтому я должен предупредить. Не как король, а как друг. Что бы ты не задумал, отступись. Анджелина Саадат не для тебя.

– Последнее – это слова короля или друга? – прищурившись, уточняю я.

– Обоих, Коулман. Я могу рассчитывать на твое благоразумие? – интересуется он. И я едва не давлюсь от смеха. Благоразумие? Бро, да ты свихнулся.

– Помнишь об условии, которое мы оговаривали, прежде чем я принял должность твоего советника? – Ран задумчиво сводит брови, явно запамятавав о таком немаловажном факте. – Я работаю с тобой, потому что мы друзья, Ран. Это единственная причина. Если я начну сомневаться, то ты не сможешь приказать мне остаться в команде.

– И тебе хватает наглости говорить мне это? – взгляд короля чернеет. – Ты живешь здесь на привилегированных условиях, я закрываю глаза на то, что ты плюешь на традиции моей страны, и прикрываю твою задницу каждый раз, когда очередная покалеченная шлюха бежит в полицию писать на

тебя заявление. Не говоря уже о том, что я создал для тебя все условия, чтобы ты максимально мог использовать свои интеллектуальные способности.

– Мы оба знаем, что ты никогда не делаешь то, что тебе невыгодно. ИТ-компанию я мог создать в любой стране этого мира, но ты решил, что мои интеллектуальные способности могут продуктивно послужить правительству Анмара, и я не возражал, пока не начал сомневаться.

– Ты мне угрожаешь? – наконец доходит до аль-Мактума.

– Я всего лишь напомнил, на чем строится наше сотрудничество, Амиран, – резко поднимаюсь, не дождавшись позволения короля. – Поздравляю тебя с днем рождения твоих детей. Передай мои наилучшие пожелания Алисии. А мне пора вернуться к моим шлюхам, раз уж я пришелся не ко двору в этом дворце.

– Мердер! – грозно летит мне в спину.

Как же меня подмывает показать ему фак, но я не настолько двинутый. Мы еще не закончили. Чтобы Ран о себе ни думал и какой бы неограниченной властью ни обладал, последнее слово останется за мной. Тот, кому нечего терять, ничего не боится.

Никакой Фейсал аль-Рахим не получит Анджелину Саадат, пока она нужна мне самому.

Анджелина

С работы меня встречает машина с личным водителем.

Как всегда – черный Мерседес подъезжает на паркинг центрального бизнес-центра ровно в 18:00. Довозит до резиденции моего отца за двадцать пять минут и пятнадцать секунд. Везет по широкой магистрали Асада, которая не меняется изо дня в день. Порой мне кажется, что по ней проезжают сотни одних и тех же машин.

В том же самом порядке.

В том же ритме.

Как в матрице, бесконечной петле времени, повторяющемся сне...

В моей жизни ничего не меняется, более того – она расписана до мелочей моими родителями, Аллахом, правителем Анмара. Кем угодно, только не мной. Все, что у меня есть, лишь иллюзия свободы и полной жизни. Почему иллюзия? Потому что я не распоряжаюсь своим временем, я не выбираю, как провести свой день. Все уже написано за меня, предначертано. Родители скажут, что это «мактуб» с многозначительным вздохом, а я скажу – пиздец это, вот что.

Сияющим огоньком счастья и лучом надежды во всей этой серой и однообразной рутине, больше напоминающей путь по засохшей пустыне, является завтрашний «Саботаж». Этим вечеринкам в пустыне уже несколько лет, и о них ни-

кому лишнему неизвестно. Разумеется, до тех пор, пока их покрывает Коулман и его гениальный мозг, способный любой «грех» накрыть мантией-невидимкой.

Ну и моя работа меня радует, потому что, когда я начинаю программировать и решать практические задачи, время для меня останавливается и я полностью растворяюсь в потоке цифр и звука компьютерных клавиш.

Но только когда я дома.

В офисе у нас опен-спейс, а это значит, что в любую минуту мимо меня может пройти Мердер. Иногда мне приходится заставлять себя не заглядываться на него. Не пристало дочери шейха любоваться директором одной из крупнейших компаний Анмара и пускать на него слюни.

А так хочется... без стыда, без оглядки, безрассудно... и не только смотреть, но и трогать. Знать и чувствовать, что мой он, только мой. Да только я со своей наивностью не вписываюсь в его дерзкий мир, где каждую ночь его член согревает новая шлюха. Чем они отличаются для него от резиновых кукол, я не имею понятия. Но слухи, которые ходят про Коулмана, мне совершенно не нравятся. Верить в них упорно не хотела. Но прекрасно вижу, как он общается с некоторыми сотрудницами-американками, что не утруждают себя дресс-кодом и напяливают в офис довольно откровенные офисные наряды. Порой Мердер смотрит на женщин, как лев на разделанный шницель.

В свою очередь эти рафинированные и распущенные аме-

риканки тоже трахают его взглядами. У меня внутри все немеет, болезненно ноет от осознания, что они могут позволить с ним все, что угодно... в любую минуту. Просто закрыться в его кабинете и оседлать его на рабочем кресле. Просто сесть в его машину, взять его за руку, положить на бедро руку. Просто накинуться и целовать до тех пор, пока он благосклонно принимает эту ласку и близость. Все внутри безбожно закипает до обжигающих температур. Я ненавижу всех этих женщин и в то же время меня возбуждает любая грязная и запретная мысль о Коулмане. И я сжимаю бедра, яростно покусывая кончик шариковой ручки.

Боже. Ну почему меня так безвольно тянет к тому, что настолько запрещено?

И каждый раз, получая оргазм наедине с собой, я шепчу его имя, мечтая в этот момент прикоснуться к нему, вдыхать аромат его кожи, просто быть рядом...

– Энжел, ты занята? – едва ли не ломаю зубы о ручку, как только слышу стук в дверь в сочетании с нежным голосом матери.

– Нет, заходи, – инстинктивно выпрямляю спину и убираю ноутбук с колен.

– Ты без настроения? Не спустилась на ужин, – с порога озвучивает факт Мелания Саадат.

Невольно любуюсь тем, как прекрасно она выглядит для своего возраста. В Штатах ее бы в глаза называли ведьмой, ведь только настоящая колдунья может сохранить такую фи-

гуру после рождения пятерых детей. Она такая же миниа-
турная и худенькая, как та самая девочка на студенческих
фотографиях, сделанных во времена учебы в Йеле. Аквама-
риновое платье в тон глаз делает их более яркими и ясны-
ми, а волосы струятся по плечам Мелании словно жидкая
платина. Но не только внешность делает маму такой очаро-
вывающей и успокаивающей. Ее энергия всегда несет в себе
вибрации прохладной реки, из которой хочется напиться в
знойный день, погрузиться с головой. В то же самое время от
Мелании Саадат исходит безграничное и истинное материн-
ское тепло, прекрасно гармонирующее с ее белозубой широ-
кой улыбкой. Тот самый случай, когда внешняя красота яв-
ляется отражением внутренней.

– Да нет, все в порядке. Я не голодна. Интересные задачи
подкинули на практике, не могла остановиться, – небрежно
пожимаю плечами, отправляя в свой рот несколько виногра-
динок, что тащу со своего туалетного столика.

– Я чувствую, что что-то не так. Недавно ты буквально
сбежала со дня рождения своих племянников..., – Мелания
слегка хмурится, но даже это не делает ее черты лица стро-
гими. – Ты можешь обо всем мне рассказать, – мама опуска-
ется в кресло напротив, аккуратно расправляя полы длин-
ного платья.

– Мама, я уже взрослая, со своими тараканами справлюсь
сама, – отмахиваюсь я. – Да и какие у меня могут быть про-
блемы? – взглядом обвожу свою шикарную комнату с пано-

рамным видом на море и личной террасой. – Я живу в лучшей стране и семье мира, – пускаю по ее венам неприкрытую лень. – И несмотря на наши традиции, я работаю, у меня море свободы и все, о чем другие могут только мечтать. Не сомневаюсь, вы мне скоро и самого крутого мужа организуете, – не подумав, ляпнула я.

И судя по ее натянутой улыбке, попала в точку.

Бл*дь. Серьезно? Какого черта?

– Ты уже знаешь? – сердце болезненно вздрагивает, как только Мелания задает мне совершенно прямой и внятный вопрос.

Что?

В легких мгновенно заканчивается весь кислород.

Только не говорите, что все уже максимально и точно решено. Еще заявите, что уже дата назначена. Вы не можете так поступить со мной. Не сейчас...никогда.

– О чем? – стараюсь сохранять самообладание, скрещивая руки на животе.

– Мы с папой долго думали, кому стоит рассказать тебе об этом. Вызвалась я. Точнее, настояла. Мне бы не хотелось, чтобы все произошло так, как с Алисией. Мне бы хотелось...

Смягчить удар? Как можно смягчить удар в самое сердце, мам? Если он сделан остроконечным, мать его, колом?

– А можно поподробнее с этого момента? Вы, правда, организуете мне брак? – стараюсь играть свою привычную роль

«хорошей девочки», выравнивая голос.

– Ты же помнишь Фейсала аль-Рахима? Как он тебе? – мама нервно поправляет волосы, вглядываясь в черты моего лица. Сканирует взглядом и материнским сердцем. Но я черта с два выдам свои истинные эмоции.

Я не повторю ошибок Алисии.

Перед внутренним взором невольно возникает внешний образ Фейсала. Не скажу, что он полностью и целиком в моем вкусе, но грех жаловаться – высокий, статный, привлекательный, сильный, успешный, идеальный...скучный до смерти! Хотя, кажется, пару раз ему удалось довести меня до смеха. Да и поговорить с ним есть о чем. Блин, он очень неплох. Но для меня во всем мире существует лишь один мужчина.

– Он очень достойный молодой человек. Красивый. Умный. Сдержанный, спокойный, рассудительный. По крайней мере, таким выглядит. Мечта любой девушки, – спокойно перечисляю достоинства будущего жениха.

Любой девушки, кроме той, что имеет фамилию Саадат. Мамуль, ты забыла? У нас в семье любят психов! В том, что я вляпалась в Коулмана, есть и ваша вина. Твоя конкретно. Гены берут свое.

– Мне очень сложно было решиться на этот разговор с тобой, милая, – мама заботливо накрывает мою ладонь своей, и впервые за всю жизнь мне не становится теплее от ее жеста. – Но когда-то я выбрала твоего отца, он выбрал жизнь

в Анмаре. Я приняла это с открытым сердцем, потому что люблю его. Не потому, что прогнулась под него, подстроилась, стала безвольной. Ко многим вещам здесь я не была готова, но Джаред сделал все для того, чтобы каждый день был наполнен счастьем. Мне жаль, что вам приходится во многом подстраиваться под наши решения, под устои этого мира. Но... как показала история Алисии и Амираана – восточные обычаи и традиции могут привести к настоящей, большой, глубокой любви, – слушаю маму со скучающим видом, все еще делая вид, что новость о помолвке с Фейсалом меня не трогает. – Потом Камилла... сейчас ты. Честно, я не представляю, что было бы со мной, если бы я оказалась на вашем месте в двадцать лет. Но... ваш отец меня тоже не спрашивал, – усмехается Мелания. – Кажется, та девчонка в свитере с эмблемой Йельского университета осталась где-то далеко-далеко, – она переводит мягкий взгляд на одну из фотографий, расположенных на моей тумбочке. На изображении запечатлена я в свитере филиала американского университета, построенного в Асаде. Должно быть, мама видит себя в юности на этом снимке и немного тоскует по тому времени и эмоциям.

Я сжимаю кулаки в карманах своей просторной рубашки, сдерживая абсолютно все, что хочется прокричать. Внутри бушует настоящий шторм из противоречивых чувств, но я не думаю, что будет целесообразно обрушить его прямо сейчас. Я буду умнее... хитрее, наглее. Смелее. Я обязательно что-

нибудь придумаю, а моя спокойная реакция лишь выиграет для меня время и шанс отвоевать право на свободу.

– Но ты не выглядишь расстроенной, – внимательно разглядывая меня, подводит итог Мелания. – Я боялась, что ты уже влюблена в кого-то или вроде того, – она явно проверяет меня, выводит на откровения. – И думала, что ты не хочешь замуж.

– Я действительно не хочу замуж, – пожимаю плечами, прекрасно понимая, что переигрывать и строить из себя со всем согласную мисс святость тоже не стоит. – И не готова к детям, к совместному быту. Но я знаю, что вы выбрали для меня достойного человека. Мне правда нравится Фейсал. Не знаю, какой временной срок вы отвели нам до свадьбы. Будет здорово, если мы узнаем друг друга еще лучше. Полагаю, что помолвка состоится совсем скоро, но до свадьбы я смогу доучиться? У меня есть пара лет... Впрочем, это неважно. У нас с Фейсалом прекрасные отношения. Он мог бы быть моим лучшим другом или старшим братом, которым я восхищаюсь, – у меня зубы сводит оттого, насколько скучно и бесстрастно это звучит.

– Ты не мечтаешь о большой любви? – пытается меня Мелания. Она прощупывает почву. Не хочет повторения ситуации с Алисией. Не беспокойтесь, я по пеплу не побегу.

– Не думаю, что способна любить кого-то кроме себя, мам, – фыркаю я, поправляя невидимую корону на голове.

– Меня беспокоит твоя реакция..., – вновь кидает в меня

свои проверки Мелания. Она хочет докопаться до сути, вывести меня на эмоции? Они с отцом не получают этого. Два волка в овечьей шкуре. Притворяются лучшими родителями на земле, а сами отдают своих дочерей за выгодных женихов, словно товар.

Ненавижу!

– Я принцесса провинции Анмар, мам. Меня ждет договорной брак, как во всех этих сериалах про свадьбы монархов и знати, – продолжаю иронизировать и относиться ко всему легко и непринужденно. – Ты действительно думала, что после историй Ками и Алисы это меня удивит? – игриво вздергиваю бровь. – Я была готова к этому. И думала как раз о Фейсале. Вы очень предсказуемы. Ну а поскольку с мужчинами не из нашего круга я фактически не общалась, то не успела ни в кого влюбиться, как Камила и Алисия. Все, кто мне интересен, из ваших претендентов. И Фейсал самый лучший из них.

Мама тяжело вздыхает, еще раз пробежавшись по мне обеспокоенным взглядом.

– Мне спокойно, что ты не сердишься на нас. Прости, что пытаю тебя. Я переживаю за твои чувства. Не хочу, чтобы ты наделала глупостей.

Ложь! Переживала бы, постояла бы за наши с девочками чувства!

Твой брак держится на том, что ты постоянно прогибаешься перед отцом. Как бы ты его ни любила, как бы он

ни любил тебя... ты всегда будешь зависима от его воли, от его мнения, от его слова, от его взгляда... ты всегда будешь выплясывать под его дудку.

Не обманывай себя, мам.

– Не переживай, все в порядке, – открываю ноутбук, возвращая его на колени. – Я хочу дописать программу, мам, – бросаю мимолетный взгляд на дверь, после чего симулирую занятость, стуча по клавишам. – Передай папе, что я бы хотела видеть какую-нибудь классную группу на нашей с Фейсалом помолвке. Гулять так гулять, верно?

– Он организует для тебя все самое лучшее, – тепло заверяет Мелания. – Я очень тебя люблю, – прикасается к моему плечу, пока я во всю делаю вид, что программирую.

– А я тебя, – бросаю с улыбкой и тут же перевожу взгляд на экран.

Мама уходит, и я облегченно выдыхаю, как только дверь за ней захлопывается. В уголках слезы замерзшими иглами скапливаются. Закрываю крышку ноутбука и вскакиваю, пиная ногой мягкую игрушку, подаренную родителями.

– Спасибо! Спасибо, что сказали. Спасибо, что не послала отца. У него была бы ультимативная подача, и мне было бы чертовски трудно сдерживать свои эмоции при нем.

Во мне все пылает от гнева и ненависти. Чувствую себя последней и неблагодарной свиньей, корю себя за ярость к родителям, но ничего не могу с собой поделать. Ненавижу, ненавижу каждый момент, когда на мою свободу посягают и

ставят меня в рамки. И каждый гребанный раз они сужаются. Прутья клетки вот-вот воткнутся мне в ребра и срежут крылья.

А я... ничего не могу с этим сделать.

Хочется зарыдать от бессилия. Проклятье. Это не справедливо. Эти двое любят друг друга, а своих дочерей заставляют довольствоваться крохами дружбы и навязанного партнерства. Издевательство.

В ту самую секунду, когда я собираюсь придаться слезам и всхлипам, телефон в моем кармане подает знакомую вибрацию, привлекая к себе внимание:

Брейн: Как ты? Почему молчишь?

Я не отвечала ему сутки. Всегда так делаю, чтобы он не думал, что я сижу с телефоном и жду его сообщения.

Пикси: Ты прислал мне много работы, босс. Забыл? К тому же я сейчас ни о чем не могу думать. Я узнала что-то, что сильно изменит мою жизнь...

Брейн: Что за новость?

Пикси: Я выхожу замуж за Фейсала аль-Рахима.

Прикладываю фотографию к последнему сообщению.

Пикси: Горячий, правда?

Брейн: У тебя проблемы со вкусом, Пикси.

тошнит

Злорадно улыбаюсь, всеми фибрами души ощущая его ревность. Боже, он ревнует. Почему это так сладко? Хотела бы я видеть его лицо в этот момент.

Пикси: Поскольку скоро меня ждет семейная идиллия, я хорошенько оторвусь на Саботаже. Тебя ждать?

Брейн: Нет. Завтра ночью я буду занят.

Брейн был в сети минуту назад.

Завтра ночью.

У меня внутри все надывается, когда я представляю, что он может просто так пойти и взять любую женщину. И у него их в изобилии, в нескончаемом потоке, в котором мне нет места. Да я бы и не хотела быть одной из сотен, но от этого осознания не менее больно.

Как Коулману удастся всего парой слов наставить мне шрамов на сердце?

Глава 3

Мердер

*«Я выхожу замуж за Фейсала аль-Рахима.
Горячий, правда?»*

Как ад, маленькая сучка, который я непременно тебе устрою в ближайшем будущем. Будет адски жарко и горячо. Гарантирую.

– На виллу? – интересуется водитель, как только я сажусь в тонированный внедорожник. Его присутствие немного разбавляет кипящий внутри гнев. Разбавляет, но не тушит. Внутри все клоочет от ярости, наливая мышцы свинцом.

– Нет, здесь постоим, – не сдержавшись, хамлю я.

– Как скажете, господин, – смиренно отзывается парень.

Сука, какие они тут все отмороженные. Я его на хер посылаю, а он чуть ли не кланяется с благодарной улыбкой. Господин, твою мать.

– Заводи корыто, – отвернувшись, смотрю в окно.

Напряженно стискиваю челюсти, ощущая, как одна за другой падают стены самообладания. Мозг перестает функционировать в привычном режиме, превращая меня в кро-

вожадного монстра, жаждущего разорвать первого, кто попадется под руку. Парень за рулем – исключение. Его трогать нельзя. И раз я это еще осознаю, мои дела не так плохи.

Мехди, так зовут моего шофёра, одновременно является и телохранителем (в королевстве все еще полно узколобых идиотов, считающих мою компанию – обителью порока, так как там разрешено работать женщинам), и я знаю, что под строгим костюмом у него находится кобура с далеко не игрушечным оружием. Бодаться с парнем с пушкой – тупо, но, если у меня окончательно выбьет предохранители, случиться может что угодно. В такие моменты я не думаю, разум выключается, передавая управление животным инстинктам.

Через полчаса внедорожник въезжает в автоматически открывшиеся ворота. За это время я не остыл и из автомобиля выхожу злой, как адское полчище демонов. В висках раздражающе гудит боль, усиливая беснующуюся внутри ярость. Хочется взорвать к чертям эту долбаную страну с ее доисторическими традициями и законами, превратив в засыпанную руинами пустыню. Клянусь, ничто бы не дрогнуло. Анмар – не мой дом, я нахожусь на территории королевства не ради денег, возможностей и связей. Мои интересы всегда за пределами материального. Я делаю только то, что хочу сам, мне невозможно навязать должность, дружбу, любовь или чувство вины. Я эгоист до мозга костей, но об этом мало кто знает.

Амиран с высоты своего трона ошибочно считает, что

привязал меня своей царственной благосклонностью и щедростью. Он забыл, что, когда мы только встретились, наша дружба строилась на абсолютно другом фундаменте. Власть портит людей, а неограниченная власть вызывает приступы эмоциональной слепоты. Я асоциален и независим от рамок, навязанных обществом. Я ничем не обязан королю Анмара, потому что за годы нашего сотрудничества расплатился с ним сполна. Я могу заработать миллионы в любой точке мира. Это не преувеличение. Это факт. Моя дружба полезна аль-Мактуму, и, как опытный стратег, он отдает отчет тому, что может случиться, если мы вдруг станем врагами. Я могу стать угрозой, худшей из всех, что были до меня.

Черт, мне нужно вытравить из себя концентрированную дозу бешенства как можно скорее. Когда я в таком состоянии, то сам для себя опасен, не говоря об окружающих. Не завидую тому, кто попадет в поле моего зрения.

– Привет, – Хана первой выпрыгивает из бассейна, увидев меня. Фокусирую взгляд на бесстыже торчащих сосках, опускаюсь ниже, к крошечной татуировке скорпиона чуть выше лобка. Она сказала, что посвятила ее мне. Сука. Своему следующему клиенту Хана скажет то же самое.

Дьявол, ее тоже трогать нельзя. Хана здесь на постоянной основе, и в ее услугах я действительно нуждаюсь.

– Присоединишься? – спрашивает бесстрашная блондинка. – Мона устроила коктейльную вечеринку. Не хватает только тебя, – направляясь ко мне, Хана радужно размахивает

вает руками, отчего ее упругие силиконовые сиськи подпрыгивают и раскачиваются в разные стороны.

Из одежды на русалке только крошечные стринги, не прикрывающие практически ничего, кроме самой дырки, которую я трахаю с завидной регулярностью. Остальные полуголые нимфы продолжают плескаться в прозрачной воде, не подозревая о возвращении «господина». Последнее, это так, к слову. Никакой я им не господин. Все девочки находятся здесь по контракту, у каждой свой срок пребывания и цена. Хана стоит мне дороже всех, так как перечень ее обязанностей шире, чем у других, но это не делает ее какой-то особенной. Я просто знаю, как она выглядит, и помню ее имя, в отличие от имен и лиц периодически меняющихся фотомоделей и эскортниц, занимающих гостевые спальни моей виллы. Все, что творится за закрытыми дверями, происходит на добровольной проплаченной основе. Я получаю доступ ко всем отверстиям красавиц, а они делают вид, что дико счастливы оказаться на развратном мини курорте в центре патриархального арабского королевства. И если одна из них вдруг выбывает из строя раньше установленного срока, никого не волнует, как и причины, по которым случилась «поломка».

– Ты как-то слишком сильно напряжен, – мурлыкает Хана, прижимаясь ко мне мокрым телом и бесцеремонно сжимая член через джинсы. И хотя я сам не в настроении, безмозглый орган охотно реагирует, вставая по стойке смирно, но много долго и жестко потрахаться, чтобы выгнать всю дурь

из головы, сегодня не получится. Мне нужно лекарство помощнее, пока я не сорвался и не натворил дел.

– Что случилось? – всмотревшись в мое искаженное напряжением лицо, девушка хмурится, отпуская мой окаменевший член.

– Не останавливайся, – хриплю я, криво улыбаясь, но сучку не обмануть. Она уловила признаки надвигающейся опасности.

– Тебе это не нужно, – качает головой Хана, свободная рука блондинки нащупывает мой пульс на запястье. Чернильные зрачки расширяются, взгляд становится озабоченным. – Мог позвонить, я бы подготовилась, – укоряет блондинка и тянет меня за руку. – Пошли в дом. Я обо всем позабочусь.

Через пару минут мы оказываемся в медицинском кабинете, оборудованном в левом крыле особняка. Кондиционер бесшумно пашет, исправно охлаждая воздух, я сижу на кушетке, глядя, как Хана проворно загоняет иглу с лекарством в мою вену. Она так и не оделась. Девственно белый халатик развратной медсестры висит нетронутым на крючке у входа.

– Хочешь поговорить о том, что чувствуешь, – выбросив использованный шприц в урну, она встает на колени, ее прохладные ладони покоятся на моих бедрах, внимательные глаза прицельно оценивают мое состояние.

– Мне лучше, – скинув женские руки, небрежно бросаю я. Это почти правда. Я не ощущаю раздражающей потребности убивать и калечить, но мне по-прежнему дерьмово так,

что хочется нажраться, а этого делать ни в коем случае нельзя, особенно под нейролептиками.

– Ты перестал со мной разговаривать. Это плохо, Коулман, – мягко произносит Хана, полные губы расплываются в ласковой улыбке. Конечно, бл*дь, кому нужны мозгодробильные беседы с похотливой докторшей, когда ее рот способен творить чудеса с моим членом. – Одних лекарств недостаточно. Тебе нужна терапия. Мне не нравится твое состояние, Коулман. Ты напряжен...

– Так может заткнешься и поможешь мне расслабиться? – дернув ремень, расстегиваю ширинку. – На него твоя целебная херня не действует, – ухмыляюсь, поймав ее растерянный взгляд. – Мозги вырубает, а хер стоит, – грубо смеюсь и, обхватив блондинистый затылок, притягиваю Хану к набухшей эрекции. – Исправь ситуацию, – отдаю короткий приказ. Она послушно высовывает язык и медленно облизывает багровую головку. – По-быстрому, – рывкаю я, забивая член в податливое горло.

Хана из кожи вон лезет, так старается, но ее безотказная покорность только сильнее злит. Гребаная шлюха, притворяющаяся докторшей. Все они – тупые продажные суки. Только и умеют сосать и раздвигать ноги. Похер – кому и перед кем. Главное – чтобы заплатили.

– Пошла, – кончив, я грубо отталкиваю ее в сторону. Хана падает на задницу, задыхаясь и захлебываясь моей спермой. Спрыгнув с кушетки, застёгиваю ширинку и иду к ракови-

не. Включив ледяную воду, долго мою руки, глядя на свое отражение. Сучка права. Лекарства перестают работать, и даже знаю причину долбаного сбоя. Белобрысая дочка шейха с бл*дскими глазами и наглой улыбкой. В голове только она. Как гребаный вирус, взломавший все исходные установки. Сжав левый кулак, я со всей силы бью в зеркало. Хана верещит за моей спиной, а я бью снова. И снова. Раздается треск, сыплются осколки. Кровь стекает по разбитым фалангам.

– Перестань, Мердер, – бледная Хана появляется из-за спины, перехватывает занесённый кулак, пытаюсь удержать. Дура. Беги, пока не огребла.

– Скажи спасибо, что это не твое лицо, – рычу я, отшвыривая от себя настырную прилипалу, и продолжаю превращать зеркало в кровавое месиво.

Боли нет. Стопоры вырваны. Предохранители сгорели. В голове ни одной мысли, только разрывающая пульсация и ярость, вернувшаяся с утроенной силой, и гнев, который необходимо выплеснуть. Я вижу себя словно со стороны, сверху, равнодушно наблюдая за тем, как беснуется свихнувшийся парень. Ничего не чувствую. Пустота. Парадокс, но через пару минут я ни о чем этом не вспомню. Моему сознанию не нравится видеть меня таким, оно зачищает следы, стирая ненужные фрагменты. Идеально выверенный алгоритм, работающий без единого сбоя.

– Годы идут, а ты не меняешься, Коулман, – сквозь покрывший разум алый туман, я слышу смутно знакомый го-

лос с насмешливыми нотками. Это не Хана, медленно доходит до меня. Ей хватило мозгов свалить. Я, кажется, слышал хлопок двери...

Оборачиваюсь, пытаюсь сфокусировать взгляд на рискующей нарваться на неприятности девице, и это чертовски сложно сделать. Когда мой мозг превращается в кашу под действием нейрорептиков, я и собственное имя не могу вспомнить.

– Ты знаешь, что по тебе психушка плачет, да? – смертница подходит ближе и, протянув руку, обхватывает мое запястье и какое-то время рассматривает разбитые пальцы на левой руке. – Что наколешь сюда, Кол? – спрашивает безликая гостья. – Скоро на твоём теле не останется ни одного чистого куска кожи.

– Ты кто? – хриплю я, часто моргая.

– Фея крестная, – смеется девица.

Мне сложно определить, смелая она или глупая, но ей однозначно повезло, что зеркало приняло на себя основной удар. Я выпустил пар и временно не представляю опасности.

– Мы договаривались, что ты встретишь меня в аэропорту, – упрекает гостья.

– Вероника, – сдвинув брови, бормочу я, выхватив наконец из стелящегося тумана лицо черноволосой девушки с раскосыми зелеными глазами. – Гарсия, – вспоминаю ее фамилию.

– Так и знала, что ты меня снова кинешь, – обречённо

вздыхает она.

– Я забыл. Были дела.

– Кто бы сомневался, – Ника Гарсия снова смеется и, отпустив мою руку, подходит к раковине и закрывает воду, а потом разворачивается ко мне всем корпусом и смотрит в глаза.

– Привет, что ли, – ее голос звучит мягко, и так же ощущаются непрощенные обьятия, в которые меня заключают не спросив разрешения. – Я так рада тебя видеть, Кол, хотя не такой встречи ожидала, – шепчет брюнетка, прижимаясь щекой к моему плечу.

– У тебя новая нога, – бормочу я, снова начиная соображать и анализировать происходящее.

– Ага, – отзывается Ника. – Я попозже похвастаюсь своим мега крутым протезом и заодно отблагодарю тебя за него, – с ослепительной улыбкой обещает она. – А сейчас давай позовем голую докторшу и попросим привести твою руку в порядок.

– Как Израиль? Долетела нормально? – интересуюсь я, сделав глоток травяного чая, заваренного любительницей коктейлей Моной. Разобравшись с моими травмами, мы расположились на закрытой террасе с панорамным видом на огромный музыкальный фонтан со светодиодной подсветкой.

– Чуть не вышла замуж за одного нудного еврея, – под-

нырнув под мою руку, Гарсия тесно жметя ко мне, перекидывая свои ноги через мои колени. Она выпросила у Моны «секс на пляже» и периодически посасывает его через трубочку. – Вовремя одумалась, а полет прошел отлично. Представляешь, Йосеф купил мне билет в первом классе, хотя он жуткий жмот. Видимо дико жаждал, чтобы я поскорее свалила из его жизни.

– Он идиот, – со смешком отзываюсь я. Она не верит, трясет головой и, задрав юбку, демонстрирует оригинальный декорированный драгоценными камнями платиновый протез, установленный чуть ниже колена.

– Классный, да? – постучав по протезу, хвастается Вероника. – Качество просто потрясающее. Чувствую себя девочкой из будущего. Хочешь потрогать?

– Мне нравится, – киваю я, погладив часть искусственной ноги. – Тебя не портит.

– Шутишь, что ли? Меня портила инвалидная коляска, а сейчас я настоящая богиня, – непринужденно смеется девушка. – Спасибо, – ее губы касаются моей небритой щеки. – Я знаю, что ты ввалил кучу денег в клинику.

Я морщусь, как всегда, раздражаясь, когда речь заходит о деньгах. На самом деле Гарсия бы не взяла у меня ни доллара. Поэтому пришлось искать другие варианты. Так мне и подвернулся перспективный проект талантливого протезиста, обладающего оригинальным видением того, как могут выглядеть обычные протезы. В итоге Вероника Гарсия стала

не только первым пациентом высокотехнологичной клиники, отказавшейся от реалистичного протеза ампутированной в подростковом возрасте правой ноги, но и первой альтернативной успешной моделью, сумевшей изменить отношение многих к инвалидности. Она – пример того, как если очень сильно этого захотеть, слабость можно превратить в индивидуальность и добиться успеха и признания. Вероника Гарсия смогла. Ее лицо украшают рекламные билборды по всему миру, она не стесняясь позирует в бикини для фотосессий модных журналов, ее смелостью и красотой восхищаются миллионы поклонников. И она – единственная женщина, которую я трахаю абсолютно бесплатно и считаю хорошим другом.

– Ерунда, Никки. Результат того стоит, – прерываю поток благодарных поцелуев. – К тому же, я должен...

– Не ты, а твой папаша, гореть ему в аду, – перебивает Вероника. – Вернусь в Бруклин и станцую на его могиле.

– Я бы присоединился, но пока не планирую возвращаться в Штаты, – отзываюсь, не испытывая ни малейшего раздражения от неличеприятных слов в адрес моего горе-отца.

Когда Нике было всего десять, Даррен Мердер сбил ее прямо на тротуаре. Наверное, не стоит говорить о том, что ублюдок сел за руль обдолбанный вусмерть и тупо не заметил бегущую в магазин соседскую девочку. Даррен сел в тюрьму, а Ника осталась инвалидом на попечении мамы-наркоманки, сбавившей больного ребенка в приют. Я знаю, что

таких историй миллион, и они давно никого не трогают. Особенно таких, как я, обладающих низким эмоциональным порогом. Жалеть, сопереживать, заботиться о людях – это не про меня. В большинстве своем человеческая раса представляется мне кучкующимися в стадные сборища безмозглыми паразитами. Я бы тоже благополучно забил на то, что произошло, так как арест отца стал лучшим событием за четырнадцать лет, прожитых в одной квартире с моральным уродом, но вышло иначе.

Я хорошо знал Веронику до аварии, мы росли в соседних квартирах в семьях с низкой социальной ответственностью, как это теперь принято называть. Она была полноватой латиноамериканкой, а я тощим ботаном-очкариком, и нас обоих изводили придурки с улицы. Наверное, это и стало сближающим фактором. Ника – единственный человек, с которым я нормально общался в тот период. В трущобах не особо жалуют заикающихся вундеркиндов, и когда в пятнадцать лет я оказался в престижном университете, то наивно полагал, что в обществе отпрысков успешных родителей меня наконец оценят по достоинству. Но чуда не случилось. Я остался изгоем, пока Амиран аль-Мактум не обратил на меня свое царственное внимание. Те, кто не видели в жизни ничего кроме дерьма, как никто другой умеют ценить хорошее отношение. Но всему есть предел. Я не долгосрочная инвестиция короля Анмара и пахал на него не для того, чтобы он, как и десятки ублюдков до него, ткнул меня носом в

грязь, указав мое настоящее место.

– Еще бы, – понимающе фыркает Гарсия. – Ты тут неплохо устроился. В своей стихии. Толпа шлюх, роскошь, бурная деятельность, и моги набекрень. Кто так постарался?

– Ты о чем?

– О мозгах. Меня не на*бешь, Кол. Я тебя таким давно не видела.

– Надо чаще встречаться, – уклоняюсь от ответа. – У меня пожизненный диагноз. Это временная поломка. Скоро буду в норме.

– Ага, рассказывай, – запрокинув голову, она скептически смотрит мне в лицо, а я – на фонтан, в который ныряют перебравшие коктейлей русалки. – Здесь всегда так шумно? Не устаешь?

– Неа. Сама сказала: я в своей стихии.

– Аль-Мактум – самый лояльный правитель арабского мира, – протягивает Ника.

– Он мудака, возомнивший себя королем мира, – раздраженно огрызаюсь.

– И как зовут эту драную кошку, что между вами пробежала?

– Анджелина Саадат, – отвечаю я. Не вижу смысла увиливать. Между мной и Вероникой никогда не возникало недопонимания.

– И что с ней не так? – сдвинув брови, Ника игриво проводит ладонью по моему торсу.

– Все так, – хмуро отзываюсь, и проворные пальчики Никки застывают на ремне моих джинсов. Кажется, она по-настоящему заинтересовалась личностью «драной кошки». – Энджи – младшая сестра жены Аль-Мактума. Королевская кровь, знаешь ли, а я сын наркомана-уголовника и проститутки, еще в придачу с психическим расстройством и дермовыми генами.

– Его можно понять, – пожимает плечами Ника. – И что дальше? Ты любишь ее, или у тебя гонор включился. Украсть, так миллион, трахать, так королеву. Это все комплексы из херового детства, – как всегда прямолинейно заявляет Гарсия. – Понимаешь? Хочешь доказать всему миру, что ты чего-то стоишь? Так это не так делается.

– Да пошла ты, Ник, – вспыхив, бросаю я. – Говоришь, как мой психотерапевт.

– Это тот, что огромными сиськами? – проницательно ухмыляется Гарсия. – Я серьезно, Кол. Ты же гребанный гений, правая рука короля, успешен, богат, своя копания, любая женщина по свистку. Не искушай судьбу. Ты же не жениться собрался?

Вопрос повисает в воздухе, мышцы каменеют, а внутри становится настолько мерзко, что к горлу подкатывает тошнота, которую я запиваю мятным чаем.

– Мда, не думала, что доживу до этого дня, – по-своему истолковав затянувшееся молчание, бормочет Вероника. Испытывающий взгляд шарит по моему лицу в поиске от-

ветов. Она даже отстраняется, чтобы не упустить ни одной эмоции. – Что ты собираешься делать?

– Еще не решил, – неопределённо отвечаю я и на этот раз осознанно лукавлю. – Иди лучше сюда и покажи, как сильно ты ненавидишь своего жадного Йосефа.

– Я не трахаться к тебе приехала, – оскорблённо восклицает Никки, оседлав мои колени. Ее слова и действия не со стыкуются, как и у большинства женщин.

– Ну, мы вроде как уже поговорили, теперь можно перейти к следующему этапу, – смеюсь я, задирая ее юбку до талии. Приподняв бедра, бесцеремонно толкаюсь натянувшей джинсы эрекцией в прикрытую кружевом промежность. – Хочу посмотреть, как ты прыгаешь на своей бриллиантовой ноге.

– Ладно, уговорил, – вздохнув, Никки тянется за поцелуем, просовывая руку в задний карман моих джинсов и непроизвольно потираясь о внушительный бугор, недвусмысленно упирающийся между ее ног. – Надеюсь, это не весь запас, – комментирует девушка, достав пакетик с презервативом.

– Неа, даже не надейся, – тряхнув головой, указываю взглядом на засыпанный горой контрацептивов и тюбиков со смазкой туалетный столик.

Глава 4

Анджелина

Процесс моего побега на «Саботаж» давно отработан до автоматизма. Тем не менее каждый раз, когда я собираюсь на вечеринку в пустыню, в венах закипает обжигающий адреналин. Удары сердца становятся настолько частыми, что грудная клетка ноет от боли и томительного предвкушения.

Без Коулмана я бы никогда не решилась на регулярные побеги. Вечеринки в пустыне, которые ее участники коротко называют «Саботаж», существовали в Анмаре давно, просто в разных формах, под разными названиями и с новыми организаторами. Пару лет назад, в одной из наших первых переписок, Коул предложил мне встретиться именно там, а на мои возражения и откровенный протест ответил: «Я все организую так, что никто и никогда не узнает. Или ты не доверяешь мне?»

И я доверилась. А разве у семнадцатилетней влюбленной дурочки был выбор? Мне казалось, лучше умереть, чем довольствоваться лишь короткими встречами и многозначительными переглядками в королевском саду, что случались довольно редко.

А потом мои побеги встали на регулярный поток. С помощью специальной удаленной системы Мердер отключает камеры в нужное время, отвлекает внимание охраны резиденции Саадат фальшивыми вбросами о реальной опасности. Я убегаю до ближайшей точки, где меня встречает один из водителей Коулмана и в целости и сохранности доставляет в эпицентр Махруса.

«Саботаж» – это не просто тусовка, где дети «золотых семей» Анмара могут скинуть свои национальные наряды и оторваться на всю катушку. Это про свободу. Это про жизнь без навязанных ограничений. Про то, чтобы быть собой... Мы устали от лицемерия старшего поколения, устали от борьбы между внутренними потребностями и традициями религии, поэтому создали свой потерянный рай.

И если завтра нас расстреляют за все грехи, то сегодня мы нагрешим по полной – девиз каждого, кто является постоянным резидентом закрытых вечеринок.

Примерно через час огромный внедорожник останавливается, замыкая круг из подобных ему. «Саботаж» всегда проходит в центре этого забора из джипов, создающих иллюзию безопасности и того, что свет нашей тусовки не прорвется до ближайшей дороги. Не позаботься о нашей безопасности сам Коулман, нас бы давно могли обнаружить с вертолета. За столько лет работы на Амирана он знает все о маскировке «грязных пятен» и манипуляциях, способных скрыть неприглядную правду от самого правителя, а значит

и от всех остальных, включая службу безопасности во главе с вездесущим Каттаном.

Всем им далеко до гениального разума Коулмана Мердера, и я не сомневаюсь в том, что он никогда не ошибается.

Как только я проникаю в круг из джипов, скидываю с себя паранджу, небрежно бросая ее в общую кучу. Делая глубокий вдох, развожу руки в разные стороны, не в силах надышаться свободой. Чистый и незаменимый кайф.

Мои губы непроизвольно раздвигаются в удовлетворенной улыбке, когда взгляд радуется тот факт, что вечеринка уже в самом разгаре. Здесь есть все атрибуты настоящего разнuzданного сборища: алкоголь, сигареты, импровизированный бар, диджейский пульт, громкая музыка и безбашенные танцы в откровенной одежде. Парней это не касается, конечно, а вот девочки явно пользуются случаем и демонстрируют свои открытые топы, которые обычно могут носить лишь в своей комнате. Собственно говоря, мой собственный выбор сегодня упал на теннисную короткую юбку и кроп-топ с завязками на груди.

Единственное табу и правило – наркотики исключены. Как никак, мы за здоровый образ жизни. А еще... секс. За слишком откровенные поцелуи, граничащие с интимной близостью – дисквалификация. Очевидно, это сделано для того, чтобы последствием «Саботажа» не стали случайные дети.

– Если бы отец видел тебя сейчас, он убил бы на этом ме-

сте и закопал в песках Махруса, – зловещий шепот заставляет мое сердце екнуть. Женские прохладные руки бесцеремонно накрывают глаза.

– Айна, ты меня напугала! – резко разворачиваясь и раскретив подругу, бросаюсь к ней на шею. – Как будто твой бы погладил тебя по голове, – не без иронии добавляю я, вспоминая, что отец Айны занимает довольно высокий пост в АРС и славится типичной военной строгостью.

– Ладно, не будем о них, наших стариков здесь не существует, – заявляет Айна, поправляя волосы цвета молочного шоколада. У нее яркая и знойная внешность восточной красавицы, акцентированная яркими синим глазами, в которых круглосуточно пляшут коварные замыслы и жажда разрушить устарелые правила. Потянув меня к бару, она передает мне большой стаканчик джина с соком. – Время для грязных шалостей. Все, что произошло на «Саботаже»..., – она поднимает тост.

– Останется здесь, – заканчиваю за нее я, залпом выпивая половину горьковато-сладкого напитка. Горячая жидкость бодрит все горло и тут же ударяет в голову.

– А о каких грязных шалостях речь? – быстрым взором я окидываю всех присутствующих, в надежде наткнуться на Коулмана. Было бы здорово, если бы он передумал и заглянул сюда. И пусть «Саботаж» ничего не меняет между нами, и мы всегда держим привычно «дружескую» дистанцию, но каждый наш разговор в реальности для меня на вес золота.

– Хочу познакомиться с ним, – Айна кивает в сторону молодого мужчины, которого трудно не заметить. Мы вместе с ним ходим на лекции по информатике, поэтому я хорошо знаю этого кадра. Хотя... слухи о Мике и его громкая репутация говорят за него все, что необходимо: он – не лучший вариант для моей подруги и разобьёт ей сердце, если она когда-нибудь с ним свяжется.

– С Микдамом? – продолжаю стрелять глазами в мужчину, окруженного толпой спортивных парней и девчонок в коротких шортах. К слову, он постоянно пытается ко мне подкатить в социальной сети, но я стабильно его отшиваю.

– Даааа! – с влюблённым восторгом тянет подруга. – Он сделал мне комплимент на прошлой вечеринке. Думала, хочет познакомиться... но устала ждать от него первых реальных шагов.

– Не стоит проявлять инициативу с бабником, – предостерегаю я. Диагноз написан на его самодовольном выражении лица с преобладающими нарциссическими чертами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.